

Format de citation

Artamošin, Sergej Viktorovič: Rezension über: Gerd Krumeich, Die unbewältigte Niederlage. Das Trauma des Ersten Weltkriegs und die Weimarer Republik, Freiburg ; Basel ; Wien: Herder, 2018, in: Recensio Moskau, 2020-11, DOI: 10.25360/01-2020-00017, heruntergeladen über Website

copyright

Cet article peut être téléchargé et/ou imprimé à des fins privées. Toute autre reproduction ou représentation, intégrale ou substantielle de son contenu, doit faire l'objet d'une autorisation (§§ 44a-63a UrhG / German Copyright Act).

Krumeich, Gerd: Die unbewältigte Niederlage. Das Trauma des Ersten Weltkriegs und die Weimarer Republik. Freiburg-Basel-Wien: Herder Verlag, 2018. – 331 S. – ISBN 978-3-451-39970-1

Крумайх, Герд: Неразрешенное поражение. Травма Первой мировой войны и Веймарская республика. Фрайбург-Базель-Вена: изд-во Гердер, 2018. – 331 с. – ISBN 978-3-451-39970-1

Рецензент / Rezensent:
Сергей Артамошин / Sergej Artamoshin

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2020-00017>

Книга германского историка Герда Крумайха, преподававшего новейшую историю в университете Г. Гейне в Дюссельдорфе, посвящена проблеме истории Великой войны, и ее выход в столетие заключения Версальского мирного договора по-своему символичен, так как проблема, поднятая в этом исследовании, связана с историей восприятия германским обществом опыта Первой мировой войны и его воздействие на общественные и политические процессы, проходившие в годы республики. Нельзя сказать, что автор сконцентрировал внимание на историческом воздействии Версальского мирного договора на германское общество, скорее напротив, он постарался взглянуть на события 1920-х годов по-новому, сквозь призму проблемы переживания и преодоления коллективной травмы войны (S. 12). Таким образом, предметное поле исследования определяется Г. Крумайхом как стремление изучить, как немцы переживали Великую войну и ее завершение, и насколько эти события воздействовали на послевоенное общество и отражались в политической жизни веймарского государства (S. 16). Такой подход представляется продуктивным в том смысле, что позволяет объединить события войны и становление Веймарской республики, которая вышла из войны и по-своему является ее ребенком.

Г. Крумайх отмечает, что восприятие Великой войны в германском обществе началось складываться еще в годы самой войны, когда создавались коммуникационные каналы взаимодействия фронта и тыла. К таковым относились серии солдатских писем с фронта, издаваемых в Германии, и в которых были слышны голоса солдат о том, чем становилась война для их участников. Конечно, автор обосновано указывает на цензурированность данных изданий, но именно через них население страны получало информацию о том, что происходило на фронте, высказанную участниками боев. Героизация войны, считает автор, превратилась в дискурс властей, направленный на сохранения гражданского мира. Наиболее ярко это проявлялось в 1916 г., когда возвеличивалась битва за Верден и приносились жертвы на Сомме (S. 32). Исследователь указывает на процесс визуализации войны, который приобретает новое значение в годы мировой войны, причем он становится не частным проявлением, а составной частью государственной политики военной пропаганды, после создания в 1916 г. Ведомства фотографии и кино. Одним из первых его успехов Г. Крумайх считает демонстрацию фильма «С нашими солдатами на Сомме», в котором продемонстрировано конструирование образа Германии как защитника европейской цивилизации (S. 34-36).

Автор отмечает, что знакомство тыла с жизнью фронта через кино и фотоматериалы служило способом передачи военных переживаний гражданскому населению. Провозглашенный гражданский мир был разрушен в 1917 г. после раскола германской социал-демократии на СДПГ и НСДПГ (S. 48). Антивоенная пропаганда «Спартак» и январская забастовка 1918 г. поставили перед германским обществом дилемму: достижение

мира через революцию или наступление революции через мир (S. 66). Автор отмечает, что появление военных «писем несчастий», в которых солдаты писали о возможностях мирных отношений, разрушенных войной, сыграли определенную роль в понимании германского военного поражения после войны (S. 60-62). Таким образом, автор указывает на наличие героического и трагического восприятия войны, влиявшего на ощущения войны гражданским населением.

Г. Крумайх рассматривает последовательность событий лета-осени 1918 г. в контексте их влияния на формирование послевоенной проблемы военной вины за поражение в войне. Он обоснованно утверждает, что уже в середине августа 1918 г. политическому и военному руководству Германии было ясно, что война проиграна, поэтому последовавшая дискуссия о вине и радикальное отклонение «вины за войну» и «вины в войне» имело далеко идущие последствия (S. 184). В частности, убийство Эйснера графом Арко было новой формой рассмотрения проблемы ответственности за поражение. Германский историк указывает на концепцию удара кинжалом в спину как форму объединения военных и политических позиций при оценке мировой войны. Показанная последовательность формирования легенды демонстрирует, что утверждение об измене сформировалось лишь в ходе политических обсуждений (S.186-198). Автор фиксирует степень инструментализации легенды об ударе кинжалом, которая активно использовалась не только в политической полемике, но и превращалась в элемент избирательной пропаганды, как, например, в 1924 г. (S. 191). Если праворадикальная интерпретация вины за поражение в войне вытесняет иные политические оценки, то достаточно интересным представляется акцент использования обвинения социал-демократии коммунистическими силами, как бы формируя радикальный взгляд на проблему вины. Так, коммунистическая критика соглашения Эберта-Грёнера послужила аргументом в демонстрации реакционности СДПГ, и впоследствии закрепилось в историографии ГДР (S. 203-204).

Нам представляется обоснованным заключение Г. Крумайха о роли легенды об ударе кинжалом в спину в радикализации политической борьбы в годы Веймарской республики, когда данная аргументация использовалась правыми силами в подчеркивании вины революционных событий и германской социал-демократии в поражении победоносной кайзеровской армии, также как и радикальные левые, коммунистические силы, утверждали об измене социал-демократии делу германской революции. В этом объединялся радикальный дискурс против Веймарской республики. Г. Крумайх справедливо утверждает, что легенда об ударе кинжалом оставалась в Германии проблемой внутренней политики и антагонистических идеологий. Этот тезис был «разъедающей солью в ране поражения» (S. 208).

Автор критикует утверждение историка Дж. Моссе о брутализации европейского общества после войны как объяснения роста радикальных политических сил. Он считает, что, на первый взгляд, роль ветеранов войны среди немецких правых и левых радикалов имела место быть, однако в масштабном исчислении она была мизерной, на фоне того, что большинство германских солдат после окончания войны вернулись к нормальной мирной жизни и избегали участия в радикальных и военизированных организациях (S. 211). Г. Крумайх отметил, что инструментализация проблемы вины была бы снята с политического использования радикальным национализмом в том случае, если бы войска Антанты прошли маршем через Берлин в 1918 г., лишив националистов аргументов против республики. Однако реальность революции привела к тому, что травма войны слилась с Веймаром, став ключевым тезисом германских правых сил (S. 214).

Радикализация политической борьбы в Германии, по мнению германского историка, приводила к созданию атмосферы радикального насилия, принципиально отличавшейся от политического противостояния довоенной Германии. Политически мотивированно насилие приводило к хладнокровным убийствам, где расстрел становился аргументом спора (S. 214). В этом он видел выражение политического терроризма первой половины 1920-х гг., истоки которого находились в проблеме вины.

Художественная форма преодоления коллективной травмы осмысливается Г. Крумайхом на примере тематики картин германского дадаизма, в частности на примере произведений Отто Дикса и Георга Гросу Маппе (S. 238). Второй стороной художественного переосмысления войны стала мемориальная культура, где в отношении атрибутов и памятников войне прослеживается механизм преодоления травмы. Автор отмечает различное политическое отношение к военным наградам, стремление республиканских сил исключить их из повседневности (S. 246-247). Г. Крумайх отмечает противоречивость политических дискуссий о памятнике героям войны, стремление каждой политической силы предложить собственную коннотацию смысла войны. Справедливо утверждение о том, что национал-социалисты использовали образ войны для установления параллели между фронтовым обществом и народной общностью, интерпретируя жертвы Великой войны как смерть за будущее германского общества (S. 265).

Следует отметить, что книга Герда Крумайха делает актуальным обращение к изучению Веймарской республики сквозь призму Великой войны, что позволяет увидеть веймарские события в новом свете.